

Сысоев Валерий Мануилович

Очерки и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В15

В15 **Валерий Мануилович С.**
Очерки и рассказы / Сысоев Валерий Мануилович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 192 с.

ISBN 978-5-519-76089-8

Содержание: Бездорожье; В лесу; Немой сапожник; Приключения плотички; Подпасок; Клюква; Путешествие; Пасха в деревне; В гостях у дедушки; Малиновый остров; Володя рыболов; Дедушка Мironыч

ISBN 978-5-519-76089-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕЗДОРОЖЬЕ

I

Я сидѣлъ въ своей домашней канцеляріи за письменнымъ столомъ, наклонившись надъ работой. Въ окна барабанилъ дождь. Даже въ комнатѣ чувствовалось вліяніе осенняго ненастья: тяжелый мракъ и сырость, несмотря на зимнія рамы, проникали въ домъ. Потрескивавшій сзади меня каминъ посылалъ струю теплаго воздуха; иногда я оборачивался и смотрѣлъ на горѣвшія дрова; мнѣ пріятенъ былъ видъ ярко пылавшихъ полѣньевъ съ искрами, шумнымъ фейерверкомъ вылетавшими по временамъ изъ-за чугунной рѣшетки. Чѣмъ сильнѣе завывалъ подъ окномъ вѣтеръ, чѣмъ назойливѣе стучали въ стекла крупныя капли, тѣмъ пріятнѣе мнѣ были свѣтъ и тепло огня.

Въ дверяхъ появилась знакомая фигура моего постоянного возницы Василья. Синій халатъ его былъ мокрый, на ногахъ грязь. Держа въ одной рукѣ картузь, а другой вытирая на ходу бороду, онъ осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Ну, что скажешь, Василій?—спросилъ я.

Онъ молча поклонился и, продолжая тереть мокрую бороду, неохотно произнесъ:

— Приказывали придти... Ъхать куды изволите?

— Да, я и забыть... Сегодня же послѣ обѣда поѣдемъ въ Замятино.

— Ужъ оченно погода тово-съ... Сами изволите видѣть: погибельная.

Онъ перевелъ взглядъ съ меня на окно.

Деревья въ саду, точно руками, махали отчаянно вѣтками. Напрасно ворона старалась усесться на одной изъ макушекъ голаго тополя: сучекъ гнулся, качался, и ворона, взъерошенная, злая, пронзительно каркая, полетѣла куда-то за сарай. Глянцевитыя, точно облитыя масломъ, дорожки пестрѣли прилипшими къ нимъ желтыми, красными и темными листьями, цѣлыя кучи которыхъ были наметены бурей къ бесѣдкѣ и забору... Чѣмъ-то печальнымъ, суровымъ вѣяло со двора.

— Ничего не подѣлаешь,—сказалъ я, вздохнувъ,—надо ѣхать: я послалъ повѣстки—будутъ ждать.

— Какъ прикажете. Придется тройкой: на парѣ по этакой грязи не дотащишь.

— Конечно, тройку... Такъ, часа въ два подавай!

— Слушаю.

Опять осторожно ступая, стараясь идти на цыпочкахъ, Василій ушелъ отъ меня, оставя, несмотря на всѣ предосторожности, грязныя пятна на полу—слѣды своихъ огромныхъ сапогъ.

Уложивъ приготовленное дѣло въ портфель, я торопливо пообѣдалъ, и затѣмъ мы съ Василѣмъ поѣхали въ село Замятино, гдѣ мнѣ, по обязанности службы, предстояло ввести во владѣніе землей крестьянъ, купившихъ пустошь у сосѣдняго помѣщика.

Верхъ тарантаса былъ поднять, кожаный фартукъ плотно застегнуть, и я былъ защищенъ отъ дождя и вѣтра. Василью я далъ накинуть на плечи свой резиновый плащъ. Продребезжавъ по избитой городской мостовой, мы выѣхали за заставу и безшумно покатали по мягкому про-

селку. Лошадямъ было тяжело — онѣ вязли, съ трудомъ вытаскивали ноги изъ липкой глины; колеса глубоко топились въ колеяхъ, по которымъ на горкахъ струилась мутная вода.

Было то октябрьское ненастье, которое тянется безконечно изъ дня въ день, выводя изъ терпѣнія не только людей, но и животныхъ. Зайцы залегли по пашнямъ возлѣ межъ и въ лугахъ у кочекъ: дождь, собираясь на вѣтвяхъ въ огромныя, холодныя капли и падая внизъ, начинаетъ бомбардировать звѣрка такъ, что онъ спѣшитъ уйти изъ лѣсу. По этой же причинѣ нѣкоторыя птицы также оставляютъ лѣса, выбираясь на опушки и въ поля. Только мелкія птички укрываются въ чащахъ около корней и сучьевъ, съ завѣтренной стороны большихъ деревьевъ, забираются также подъ крутые берега рѣкъ и овраговъ, въ камни, дрова, подъ крыши строеній. Упорное ненастье отбиваетъ отъ рукъ всякую работу. Народъ тоже попрятался по теплымъ избамъ. Вездѣ пустота. Только вѣтеръ бушуетъ на просторѣ полей и луговъ, подгоняя дождевую пыль, туманнымъ покровомъ закутавшую горизонтъ. Дымчатая низкая облака безконечнымъ стадомъ двигаются по небу. Въ мгlistомъ воздухѣ дали не видно; предметы выясняются только на близкомъ разстояніи — и все темно, сыро, непривѣтно.

Несмотря на теплое ватное пальто, мнѣ дѣлается холодно, я вздрагиваю и прижимаюсь въ уголъ тарантаса. Василій качается на козлахъ, сохраняя равновѣсіе на неровныхъ мѣстахъ дороги; онъ чмокаетъ губами, покрикиваетъ на тройку и подхлестываетъ кнутомъ пристяжныхъ. Но лошади едва тащатъ тарантасъ шагомъ... Мнѣ скучно. Я закрываю глаза и стараюсь заснуть...

— А... что такое? Василій! — вскрикиваю я, открывая послѣ дремоты слипнувшіеся глаза.

Я прыгаю на подушкѣ и, того гляди, вылечу изъ тарантаса; голова моя ударяется то въ стѣнки верха, то въ

спину ямщика. Какъ удержался онъ на козлахъ—я не понимаю.

— Ничего-съ, — отвѣчаетъ угрюмо Василій, — гати пошли.

Сошинскія гати, по которымъ намъ предстояло ѣхать, и въ сухое лѣтнее время представляютъ! сквернѣйшую дорожку черезъ огромную болотистую низину, а въ ту минуту передъ нами было нѣчто ужасное. Бревна и крупный хворостъ, которыми замощена дорога, мѣстами были размыты, и тутъ образовались впадины, наполненные водой. И вотъ, мы то въѣзжали на уцѣлѣвшія мостовины, то опускались въ канавы, изъ которыхъ усталыя лошади едва-едва насъ вытаскивали, барахтаясь по колѣно въ жидкой грязи. Это была мучительная, адская ѣзда. Я вскрикивалъ, бранился и проклиналъ все на свѣтѣ. Василій молчалъ, сосредоточенно правя вожжами, чтобы равнять лошадей и не опрокинуть экипажа.

Съ одной широкой лужи, близъ дороги поднялась стая утокъ, слѣгнутая нами и, очевидно, собравшаяся къ отлету, а, можетъ быть, уже двигавшаяся къ югу и присѣвшая на лужу отдохнуть и покормиться. Когда стихалъ вѣтеръ, до меня доносились съ дальняго конца болота гармоничное гоготанье лебедей и жалобный крикъ вѣчно-голоднаго ястреба. Эта стая утокъ, эти крики лебедей и ястреба меня разсѣяли. До сихъ поръ мы не встрѣтили по пути ни одной живой твари.

Но пришелъ желанный конецъ ужасной ѣздѣ по гатямъ. Василій снялъ картузъ и широко перекрестился.

— Слава Богу,—сказалъ онъ,—такъ и думалъ, что либо лошади ноги переломаютъ, либо тарантасъ не выдержитъ... Ну, ужъ и дорога!

Онъ приостановилъ тройку, чтобы отдохнула немного, а самъ закурилъ трубку.

Лошади отряхивались и качали головами, побрякивая бубенчиками; одна пристяжная била ногой по грязи, от-

швыривая ее цѣлыми комками далеко по сторонамъ, падая и въ меня, и въ ямщика.

— Будетъ тебѣ, дура этакая!—одергиваль ее вожжей Василий.

— Ну, трогай!—сказаль я,—а то запоздаемъ очень.

Ямщикъ погасиль трубку, засунулъ ее за пазуху, подобраль вожжи, крикнулъ на лошадей—и мы рысцей двинулись дальше.

II

Наступали сумерки. Мы ѣхали лѣсомъ; дождь пересталь.

Пышныя лиственныя деревья, красовавшіяся весной и лѣтомъ и заслонявшія собой хмуря хвойныя растенія, теперь, голыя и слабыя, совсѣмъ стусевались, и изъ-за нихъ выступили впередъ во всей своей могучей красотѣ темныя ели и блѣдныя сосны, высокія, стройныя, вѣчно-зеленыя. Безпокойная, крикливая красавица — сойка прыгала на вѣткахъ придорожной сосны; она близко подпустила тройку, такъ что я могъ разглядѣть хохолокъ на головѣ и голубыя крапинки на крыльяхъ. Совсѣмъ бѣлый, уже въ зимней шкуркѣ заяцъ, залегшій въ боковой канавкѣ, выскочиль изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей и, неуклюже приподнимая задъ, неохотно запрыгалъ въ глубину лѣса.

Становилось все темнѣе и темнѣй. Но мы съ Васильемъ привыкли ѣздить ночью и по лѣсамъ, и по болотамъ, и потому ничего не боялись. Только лошади стали измѣнять намъ; онѣ безпрестанно останавливались, тяжело дыша и высоко поднимая худые ребристые бока; въ холодномъ вечернемъ воздухѣ отъ разгоряченныхъ животныхъ отдѣлялся бѣловатый, тонкій паръ. Василий ихъ все понукаль впередъ, но бѣдныя животныя черезъ силу двигались.

— Стали, баринъ!—обернувся ко мнѣ ямщикъ, — того гляди, зарѣжешь скотину.

— Что же намъ дѣлать?

— Я ужъ и не знаю... Я предупреждать вашу милость. По этакой дорогѣ сорокъ верстъ нешто возможно...

— Да теперь-то что дѣлать намъ? Не ночевать же такъ, среди дороги?

Василій ничего не отвѣтилъ и закурилъ трубку.

— У Панкратя почуемъ—болѣе ничего не остается дѣлать,—сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какого Панкратія?

— Угольщика; теперь недалеко до него... Ишь, дымомъ пахнетъ.

Я повелъ носомъ и, дѣйствительно, почувствовалъ запахъ угольной ямы.

— Ну, такъ добирайся поскорѣе до Панкратія, что-ли,—сказалъ я.

Василій опять задергалъ вожжами, зачмокалъ, засвисталъ—и тройка медленно потащила дальше...

Древесный уголь, идущій въ кузницы, на согрѣваніе самоваровъ, для очистки вина и проч., конечно, слишкомъ знакомъ каждому изъ насъ съ дѣтства, но многіе не знаютъ, какъ онъ дѣлается.

Для обжиганія на уголья употребляются такъ называемыя угольныя дрова или *угольничъ*—палки, длиною въ три аршина. Сюда идутъ остающіеся при пилкѣ дровъ сучья и макушки толстыхъ деревьевъ, мелкій подсѣдъ лѣса: ольшнякъ, орѣшникъ, рябина и всякія молодыя деревца.

Большею частью тутъ же на сѣчѣ выкапываются неглубокія, длинныя ямы, бока которыхъ обкладываютъ выкинутой изъ нихъ землей и дерномъ. Въ эти ямы укладываютъ, какъ можно плотнѣе, угольныя дрова въ видѣ закругленной сверху пирамиды. Только нижніе ряды дровъ находятся собственно въ ямѣ; большая же часть ихъ возвышается сверху ямы. Эти сложенные въ ямѣ костры угольника засыпаютъ кругомъ особо приготовленной рыхлой землей, такъ называемой *пашей*, слоемъ вершка въ три - че-

тыре толщины. Затѣмъ съ одной стороны ямы, внизу, дѣлается отверстіе къ дровамъ, которыя и поджигаются. Для выпуска дима въ противоположномъ концѣ ямы, сверху, дѣлается въ патьѣ ямка—*душникъ*. Загорѣвшіяся дрова не пылаютъ (отверстіе для поджиганія снова заваливается землей), а медленно тлѣютъ отъ жара, образуя уголь. Такое горѣніе всей ямы продолжается недѣли двѣ. Если же въ какомъ-нибудь мѣстѣ ямы пробьется огонь наружу отъ проникшаго воздуха и образовавшагося простора, то мѣсто это заливаютъ водой или забрасываютъ землей, притапывая ее. Иногда случается, по недосмотру или неумѣнью мастера, что вся яма сгораетъ въ сильномъ огнѣ, при чемъ дрова испепеляются, не оставивъ углей. Это уже, конечно, убытокъ хозяину, и съ мастера дѣлается вычетъ. Въ одну яму кладется отъ 10 до 20 сажень угольника. Каждая сажень, смотря по толщинѣ дровъ, даетъ отъ 8 до 12 кулей угольевъ. Куль вмѣщаетъ 7—7½ четвериковъ.

Мы выѣхали изъ лѣсу на сѣчу изъ-подъ недавно срубленнаго лѣса. Здѣсь, недалеко отъ дороги, возвышались длинными, низкими пирамидами дымившіяся угольные ямы. Вокругъ ямъ навалены были костры угольныхъ дровъ.

Василій свернулъ съ дороги, и мы по пнямъ и хвосту заколыхались къ ямамъ.

Среди костровъ угольника пріютилась самодѣльная землянка угольщика Панкратія, жившаго здѣсь съ сыномъ Петей и работникомъ Коркинымъ (имя забыть). Землянка эта была устроена изъ жердей; наполовину она ушла въ землю, а верхъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ гнилого сѣна, изъ котораго торчалъ обломокъ желѣзной трубы. Спереди дверь изъ рогожъ и узенькое окно съ рамой, должно быть, изъ какой-нибудь конюшни.

Лохматая собаченка, низенькая, толстая, съ пушистымъ хвостомъ, встрѣтила насъ громкимъ лаемъ. Показавшійся изъ-за одной ямы мужикъ цыкнулъ на собаченку, и та, поджавъ хвостъ, убѣжала. Мужикъ представлялъ подобіе негра:

весь черный—и одежда, и руки, и лицо, и волосы одного цвѣта сажи; только губы краснѣли, да блестѣли бѣлки глазъ.

— Ужъ и хорошъ же ты, голубчикъ!—не утерпѣлъ не сказать я.

Угольщикъ улыбнулся, при чемъ на темномъ лицѣ особенно ярко сверкнули его бѣлые зубы.

— Такое наше дѣло грязное, баринъ!—отвѣчалъ онъ,—кажинную минуту въ чаду да въ пыли проводимъ...

Василій распрягалъ въ удобномъ уголку лошадей, а я поспѣшилъ въ землянку. Тамъ никого не было, и стоялъ непроглядный мракъ; я чиркнулъ спичкой и при помощи ея разглядѣлъ жестяную лампочку на столикѣ изъ ящичныхъ дощечекъ и зажегъ ее. Около одной стѣны были сдѣланы нары для спанья изъ угольника, а на нихъ положена солома, валялись армяки и шубы-дубленки. У другой стѣны помѣстилась небольшая глинобитная печка съ желѣзной трубой, пропущенной въ крышу. Печка горячая. Я заглянулъ въ нее и увидалъ два большихъ горшка, прикрытые сковородками. Въ землянкѣ было тепло, но очень душно.

Скоро пришелъ и Василій, а за нимъ Панкратій съ Коркинымъ. Угольщики хотъ и умылись, но это не мѣшало оставаться имъ чумазыми до-нельзя. Панкратій сталъ готовить ужинать: поставилъ на столъ большую деревянную чашку съ солонкой, положилъ ложки и ломти черного хлѣба; потомъ вытащилъ изъ печки горшки со щами и кашей.

— А Петьку нешто не будемъ ждать?—спросилъ Коркинъ, крестясь и усаживаясь за столикомъ на обрубкѣ дерева.

— Семеро одного не ждутъ, — старался улыбнуться отецъ; но лицо его выражало беспокойство.

Онъ нѣсколько разъ выходилъ за дверь и громко кричалъ:

— Петька, Петька! Гдѣ ты, глупый? Петька-а-а!..